

Становление образа исторического врага в школьных учебниках истории на постсоветском пространстве

Аннотация: *В статье рассматривается позиционирование в школьной учебной литературе постсоветских государств образа исторического врага в контексте представления военной истории. Для анализа были взяты школьные учебники по истории Украины, Латвии, Узбекистана.*

Ключевые слова: *исторический враг, война, учебники истории, священная история, Россия, Украина, Латвия, Узбекистан.*

Наряду с историей в ее позитивистском изложении, существует также на уровне национальной (политической) памяти история «сакральная», или же священная. Ее задача — увязать события прошлого с базовым для соответствующего социума набором ценностей, и тем самым задать систему координат для саморепрезентации коллективного «Мы». Учебная историческая литература, и особенно школьные учебники истории, в функции которых входит не просто описание событий и явлений прошлого, но также и воспитание, формирование гражданской идентичности, содержат компоненты священной истории¹.

На наш взгляд, священная история предполагает наличие образа метафизического врага, который объективируется через конкретные исторические примеры. Предполагается, что это враг противостоит соответствующей общности на всей протяженности исторической развертки. Борьба с ним и задает смысл национальной и мировой истории.

Багдасарян Вардан Эрнестович — д. и. н., профессор, декан факультета истории, политологии и права МГОУ.

¹ *Багдасарян В. Э. Проблема методологии формирования школьного учебника истории нового типа // Проблемный анализ и государственное управленческое проектирование: политология, экономика, право. 2013. № 6. С. 92–104.*

Исторический враг является практической необходимостью для консолидации социума, что частично восходит к работам К. Шмитта². Лишаясь врага, социум подвергается энтропии. Исторические победы часто имели в этом отношении отрицательные последствия для победителей. Победив СССР в холодной войне, Соединенные Штаты сами стали внутренне ослабевать. Потребовался новый враг, на роль которого был поначалу взят исламский фундаментализм.

Задачей сборки национальных идентичностей объясняется и представление России в качестве исторического врага самоопределившихся в связи с распадом СССР народов в постсоветских учебниках истории³. Можно услышать, что эти учебники — образец непрофессионализма. К ним демонстрируется подчеркнуто саркастическое отношение. В действительности, они сделаны профессионально, если иметь в виду ту цель, которая в них преследуется.

Что надо предпринять, если стоит задача сконструировать нацию? Несколько очевидных вещей. Первое дело — создать общую преемственную историю, желательно как можно более древнюю. Второе — создать образ исторического врага. Через историю внедряется мысль, что есть исторический враг, который прервал существование изначальной государственности. Третье — деконструировать прежнюю идентичность и заменить ее новой. Все эти три задачи с успехом реализуются, к примеру, в украинской школьной учебной литературе⁴.

Отношения с историческим врагом выходят в реперных точках на прямые военные действия. Войны с историческим врагом выделяются из общего ряда военных конфликтов в истории соответствующего государства. По отношению к наиболее масштабным и радикальным из них используется маркер «священная война».

---

² Шмитт К. Понятие политического // Вопросы социологии. 1992. Т. 1. № 1. С. 35–67.

³ Багдасарян В.Э., Абдулаев Э.Н., Клычников В.М., Ларионов А.Э., Морозов А.Ю., Орлов И.Б., Строганова С.М. Школьный учебник истории и государственная политика. М., 2009. С. 227–308.

⁴ Багдасарян В.Э. Историческое сознание и политические воплощения: украинский сценарий // Преподавание истории в школе. 2015. № 1. С. 3–8.

Рассмотрение школьной учебной литературы на постсоветском пространстве в преломлении к идентификации образа врага в развертке исторического нарратива обнаруживает вполне определенные тенденции. Проиллюстрируем это на примере представляющих разные регионы и типы национальных сообществ в учебниках Украины, Латвии и Узбекистана.

Украина

Преемственная история, берущая истоки в глубокой древности, создана. Происхождение украинцев ведется от скифов. Территория Скифии в украинских школьных учебниках совпадает почти тождественно с территорией Украины. Одним из исторических воплощений украинской государственности определяется некая Казацкая республика. Далее, с ее гибелью, эта история прерывается. Апелляция к утраченной украинской государственности формирует настроения последующего исторического рванша.

Три врага окружали казацкую украинскую республику — Польша, Османская империя и Россия. Угрозы со стороны двух первых врагов были исторически сняты. Остался главный враг — Россия. Тема российской враждебности достаточно четко в украинских школьных учебниках артикулирована.

Деконструкция прежней идентичности применительно к Украине — это антирусскость и антисоветскость. На это работают две установки: 1) украинцы не являются русскими; 2) советское синонимично русскому.

События 2014 г., безусловно, не могли не повлиять на отражение военной истории Украины в ее антироссийских кренах. Однако, при взятии за рассмотрение учебников более раннего времени, обнаруживается, что матрица антироссийского исторического нарратива была сформирована.

Историографическим курьезом можно квалифицировать, к примеру, отсутствие в школьном учебнике «История Украины (с древнейших времен до конца XVIII века)» в разделе «Отпор наступлению немецких рыцарей-крестоносцев, венгерских и польских

завоевателей в Украину» даже упоминания об Александре Невском и одержанных им победах⁵. Удивляет также само утверждение об агрессии в украинские земли рыцарей Ливонского и Тевтонского орденов. Минимальные представления о территориальном расположении указанных рыцарских образований никак не вяжутся с будущими этническими границами Украины.

Не могла быть, естественно, не пересмотрена оценка в постсоветской украинской учебной литературе исторического значения Переяславской рады. Мотивация Богдана Хмельницкого на заключение альянса с Москвой интерпретируется как иллюзия «меньшего зла». В действительности же, как следует из излагаемого повествования, противники к тому моменту уже были казаками фактически побеждены и боевые действия приостановлены. Дается понять, что Украина добилась освобождения от Речи Посполитой без российского участия, а потому оснований для благодарности перед Москвой у украинцев не имеется. Последующее значение помощи царя в борьбе с Польшей минимизируется указаниями на безрезультатность походов царских войск, на затягивание Россией открытия боевых действий⁶.

В Северной войне симпатии адресуются Швеции в свете перспектив национально-освободительной борьбы украинского народа. Ставится фактически знак равенства между антироссийской и проукраинской позицией. Адептом создания независимой могущественной украинской державы оценивается национальный герой незалежности Иван Мазепа. В то же время факты говорят о колебании гетмана в пространстве выбора между шведским, польским и османским вассалитетом. Даже в учебнике для русскоязычных школ в приложении к параграфу «Северная война и Украина» первый вопрос формулируется следующим образом: «Охарактеризуйте личность гетмана Ивана Мазепы. В чем заключается прогрессивное значение его деятельности для украинского народа?»⁷ Далее

---

⁵ Сергиенко Г.Я., Смолий В.А. История Украины (с древнейших времен до конца XVIII века). Учебное пособие для 7–8 классов средней школы. Киев, 1995. С. 90.

⁶ Там же. С. 171.

⁷ Там же. С. 206.

к тексту прилагается в качестве источника комплиментарный отзыв о Мазепе некоего французского дипломата. В задании к нему ставится задача для школьников по обнаружению свидетельств «о высоком уровне образованности и большом политическом опыте гетмана»⁸.

Украинцам приписывается центральная роль в русско-турецких войнах 1768–1774 гг. и 1787–1791 гг., что исторически оправдывает обладание современной Украиной Северным Причерноморьем. Ни Румянцев, ни Суворов даже не упоминаются на страницах украинского учебника. Изложение крупнейших суворовских побед сведено исключительно к славным боевым действиям со стороны казаков. «С самого начала и до конца войны 1768–1774 гг., — сообщают авторы учебника Г. Я. Сергиенко и В. А. Смолий, — в ней активное участие принимало казачество Украины. Его подвижные, хорошо вооруженные кавалерийские части громили врага в районе Очакова, под Фокшанами, на реке Рымник, под Измаилом»⁹. Попутно необходимо заметить о смешанном восприятии авторами двух войн, как некоего целостного события.

Оправдать вхождение Северного Причерноморья в состав будущей Украины призвано не только описание боевых заслуг казаков, но и указание о хозяйственном бремени войны, легшем на плечи украинского народа. Войны России с Турцией, традиционно определяемые в исторической литературе как русско-турецкие, и в таком качестве фигурирующие в тексте соответствующего параграфа учебника и прилагаемых к нему вопросах, уже именуются несколько иначе — «российско-турецкие». Естественно, если доказывается ключевая роль в этих войнах украинцев, этноним «русские» должен быть, по меньшей мере, нивелирован.

Украинский след обнаруживается едва ли не в каждой вехе национальной исторической славы России. Даже Отечественная война 1812 г., лишь в незначительной мере затронувшая территорию Украины, оказывается окрашена преимущественно в тона националистических побед. Это, указывается в учебнике 9 класса,

---

⁸ Там же. С. 207.

⁹ Там же. С. 239.

украинские полки, а вовсе не российская армия, преследовали Наполеона вплоть до Парижа.

Не осталась без внимания и российско-украинская сева-стопольская дискуссия. Ответом на лозунг о Севастополе как городе русской славы, в учебник Украины привносится утверждение об украинской принадлежности героев его обороны. Украинцем с Винничины идентифицируется, в частности, матрос Петр Маркович Кошка¹⁰.

Участие украинцев в войнах, ведомых Российской империей, преподносится в неизменной формулировке — Россия втянула Украину в военный конфликт. Может создаться впечатление, будто бы Украина являлась не рассредоточенной по ряду губерний составной частью империи, а неким суверенным государством. Характер интерпретаций результатов участия в такого рода конфликтах иллюстрирует следующий фрагмент учебника: «Как юго-западная окраина Российской империи, она была — по воле метрополии — втянута в русско-турецкие войны 1806–1812 и 1828–1829 гг. Результаты этих войн были для Украины противоречивы. С одной стороны, войны подрывали экономический потенциал Украины, заставляли украинцев погибать за чужие им имперские интересы. С другой стороны, в ходе первой из этих двух войн были присоединены к России те украинские земли в устье Дуная, которые еще пребывали в составе Турции. И хотя один вид национального гнета сменялся другим, — турецкий русским, — эти войны имели следствие, которого не желала Россия, — сближение украинцев присоединенных территорий с надднепрянскими украинцами, рост общего потенциала украинства в его противостоянии имперской власти»¹¹.

Для отражения вектора идеологической направленности украинской учебной литературы достаточно бывает даже простого перечня названий параграфов. Так, в учебнике для 9-го класса

---

¹⁰ Всесвітня історія: 1914–1939: Навч. посібник для 10 кл. серед. загальноосвіт. шк. / Авт.-упоряд.: Я. М. Бердичевський, Т. В. Ладиченко. Запоріжжя, 1998. С. 157.

¹¹ Турченко Ф.Г., Морозко В.Н. История Украины, 9-й класс. Киев, 2002. С. 21.

В. Г. Сарбея «История Украины XIX — начала XX столетия» содержатся такие эпатажные для исторической науки заголовки, как, например, «Колонизаторская политика российского царизма в Украине», «Прислужники российского царизма», «Украина в завоевательных планах Наполеона I», «Волынь в умах наполеоновской оккупации», «Украинцы в Бородинской битве», «Преследование противника украинскими полками» (это о войне с Наполеоном — *ред.*), «Громадная оппозиция российскому царизму в Украине», «Поляки: за нашу и вашу свободу», «Крымская война и Украина», «Украинцы в обороне Севастополя» и т. п.¹² Очевидны два преломляющихся в названиях идейных мотива — обоснование центральной роли украинского народа в величайших событиях российской истории и демонизация облика России.

Особого внимания заслуживают примеры борьбы украинцев против России в составе войск иностранных держав. Национальными героями Украины преподносятся, в частности, украинские сечевые стрельцы, воевавшие на стороне Австро-Венгрии в период Первой мировой войны. Разгромленные в первом же сражении, они, как сообщают авторы учебника, снискали особую любовь и уважение украинского населения.

Общая негативизация исторического образа России переходит в её инфернализацию в применении к советскому периоду истории.

Ответственность за развязывание Второй мировой войны возлагается в равной мере на Германию и СССР. Подчеркивается родственная природа гитлеровского — нацистского и сталинского — большевистского режимов. Наименование «Великая Отечественная» вообще отсутствует, будучи заменена понятием «советско-нацистской» войны. Содержательная структура ее изложения также весьма показательна. Из семи отводимых на нее страниц учебника, три посвящены гибели в Бабьем Яру члена ОУН (организации украинских националистов) Елены Телиги, два — боевому пути УПА (Украинской повстанческой армии), и только два — всей прочей событийной канве и оценочной интерпретации

---

¹² Сарбей В. Г. История Украины XIX — начала XX столетия. Учебник для 9 класса средней школы. Киев, 1996.

войны. О том, что украинские националисты активно сотрудничали с гитлеровцами и были причастны к трагедии в Бабьем Яру, естественно, ничего не говорится. ОУН и УПА оцениваются как главные силы антигитлеровского сопротивления. Ни о победах Красной Армии, ни о действиях красных партизанских отрядов (как, например, крупнейшего партизанского соединения под руководством Ковпака) не сообщается. Города-герои Одесса, Севастополь, Керчь в сводке событий военного времени даже не упомянуты.

Большевики обвиняются в развязывании с 1943 г. войны против УПА — «истинной освободительницы» Украины. Эта война продолжалась, по оценке авторов учебника, вплоть до 1953 г. и являлась одним из наиболее ярких проявлений политики большевистского террора. Получается, что это не советские войска, а УПА изгнала фашистов с территории Украины. Большевики же, воспользовавшись плодами их победы, нанесли коварный удар по обескровленным в борьбе с гитлеровцами украинским патриотам¹³. «Авторы учебника, — справедливо указывают российские рецензенты, — вряд ли смогут назвать хотя бы один город, который якобы был освобожден УПА, верой и правдой служившей нацистам»¹⁴.

Маркер «северного агрессора» применяется и к политике постсоветской России задолго до 2014 г. У учащихся формируется мнение об империалистской преемственности российской государственности. Даже оказавшись демократической, Россия, согласно этой логике, демонстрирует агрессивные устремления в отношении Украины. Следовательно, ее агрессивность заложена не в характере правящих режимов — царского или коммунистического — а в некоей национальной природе русского государства. Определяющая черта российского внешнеполитического

---

¹³ Власов В. С., Данилевська О. М. Вступ до історії України: Підруч. для 5 кл. загальноосв. навч. закладів. Киев, 2002. С. 224–225.

¹⁴ Моисеев Л., Марциновский П. Россия в украинских учебниках истории. Новое видение или проявление конкуренции на идеологическом рынке? Взгляд из Крыма. [Электронный ресурс]: режим доступа: https://scepsis.net/library/id_2169.html (дата последнего обращения: 23.10.2018).

курса видится на Украине в «...претензии влияющей на судьбы мира сверхдержавы». «В 90-е годы, — поясняется на страницах одного из украинских учебников, — Россия постоянно вмешивалась во внутренние дела сопредельных государств. В 1992 году резко обострились российско-украинские отношения в связи с проблемой раздела Черноморского флота и вопросом о статусе Крыма. Вплоть до лета 1994 года Россия, по существу, вела против Украины “холодную войну”»¹⁵.

Причем проецирование модели «холодной войны» не ограничивается периодом спора о принадлежности Черноморского флота. Актуальность российской угрозы сохраняется в изложении украинских школьных учебников и по отношению к последующим периодам существования независимой Украины. Наличием ее объясняется и оправдывается процесс вхождения ряда стран Центральной и Юго-Восточной Европы в НАТО, как гарантия от российского вмешательства. Восточноевропейские государства, поясняется в учебнике, оказались напуганы быстро восстанавливающимися имперскими амбициями России. Российская Федерация предстает в качестве главного источника напряженности на всем постсоветском пространстве. Выносимое украинским учебником резюме звучит не иначе как призыв к консолидации международных сил перед российской угрозой: «За кулисами локальных конфликтов на территории бывшего СССР почти всегда стоит Россия. Без её помощи вооруженный сепаратизм был бы невыносим»¹⁶.

Латвия

«За 300 лет развития древнего латыша у него появился единственный настоящий друг — собака». Сентенция, помещенная в латвийский учебник истории для русскоязычных школ, может восприниматься в качестве своеобразного индикатора идеологической

---

¹⁵ Цит. по: *Моисеевкова Л., Марциновский П.* Указ. соч.

¹⁶ Там же.

маркировки в современной Латвии иноэтнической среды¹⁷. Естественно, что весь пафос негативизации внешних сил направлен в адрес России.

В целом прибалтийские учебники, и латышские в частности, надо признать, воздерживаются от эмоциональных оценок. Однако за сухостью изложения четко прослеживается мысль о России как главной угрозе суверенности прибалтов.

Первая мировая война представлена как драма латышского народа, первоначально обнаружившего верность империи, но столкнувшегося с очередной волной русификации¹⁸. Русские чиновники и генералитет порицаются также за инициирование широкого оттока из Латвии вглубь России потока беженцев. Подчеркиваются боевые преимущества латышских стрелков (дисциплинированные, образованные, с высоким сознанием солдатского долга) перед русскими солдатами (морально разложившиеся, малограмотные, не видящие смысла введомой войны). Даже в 1917 г., когда вся остальная армия была деморализована, латыши сохраняли высокую степень боеспособности. Осознавая боевые преимущества латышских стрелков, генералитет ревновал к их успехам, зачастую направляя сознательно на верную гибель. В общем, Российская империя предала Латвию, и нахождение той в ее составе сделалось невозможным.

Большевики, подписав в 1918 г. Брест-Литовский мирный договор, продолжили предательскую линию в отношении латышского народа. Факт их активной поддержки латышскими стрелками хотя и признается, но сводится на счет большевистской демагогии. Противоборствующие стороны Гражданской войны, как белые, так и красные, трактуются как противники независимой Латвии. Указывается на декларативный характер провозглашенного большевиками права наций на самоопределение. Характерен комментарий латышских учебников в отношении мирного договора 1920 г.,

---

¹⁷ *Волошин В., Савичева А.* Вожь гуннов Атиллa был украинцем, а эстонцы побилл Суворова // Комсомольская правда. 2008. 31 янв. [Электронный ресурс]: режим доступа: www.kp.ru/daily/24041.3/98469/ (дата последнего обращения: 23.10.2018).

¹⁸ *Taurēns J.* Latvijas vēstures pamatjautājumi. Valsts konstitucionālie principi. Rīga, 2001. 271 p.

фактически институционализировавшего латвийскую государственность. Россия... осталась должна Латвии. Этот долг относится, прежде всего, к эвакуированному во время Первой мировой войны оборудованию ряда заводов. Можно подумать, будто бы данные заводы были возведены не усилиями российских властей и русских квалифицированных кадров. Синдром непогашенного долга проявляется в еще большей мере и по отношению к советскому периоду российско-латвийских отношений¹⁹.

Характерно, что, при негативном отношении к опыту российской революции, эта оценка не переносится на ее «акушеров» — «красных латышских стрелков». Все, что укрепляло российскую государственность, вне зависимости от своего идеологического облачения, оценивалось со знаком минус, и наоборот, все, способствующее ее дезинтеграции, определялось в качестве исторического блага. Борясь с белыми, красные латышские стрелки (такие как первый главком Красной Армии Иоаким Вацетис) вели де-факто борьбу против единой и неделимой России. А это, в свою очередь, подразумевало борьбу за освобождение Латвии.

СССР определяется как главная угроза независимости Латвии. Указывается на незаконную поддержку Кремлем левой оппозиции. События 1939–1941 гг. оцениваются как однозначная советская агрессия, приведшая к установлению в странах Балтии оккупационного режима. Подчеркивается вероломство СССР, нарушение им ранее достигнутых соглашений и договоренностей²⁰. Определенная тень, впрочем, бросается и на союзников, согласившихся на Тегеранской конференции 1943 г. с условиями советской аннексии Прибалтики²¹. Латыши, сражавшиеся во время Второй мировой войны на стороне Красной Армии, преднамеренно использовались, по оценке латвийских учебников, советскими офицерами в качестве «живого щита». Крайне негативно оценивается деятельность на территории Латвии партизанских отрядов. Состоявшие

---

¹⁹ *Симондей В. В.* Огнем, штыком и лестью. Мировые войны и их националистическая интерпретация в Прибалтике. М., 2015.

²⁰ *Kurlovičs G.* Konsultants Latvijas vēsturē unciviltiesībās. Rīga, 1998.

²¹ *Freibergs J.* Jaunā kolaiķu vēsture, 20. gadsimts. Rīga, 1998.

из «чуждых, нелатышских элементов» они будто бы «часто жестоко расправлялись с мирным населением»²². «Дело Василия Кононова» было, по существу, подготовлено и публично апробировано на страницах школьных учебников.

Зато апологетические оценки адресуются к латышам, оказавшимся в совершенно ином политическом лагере — сторонникам Третьего рейха. Подчеркивается особая выносливость, умение и отвага латышских частей, воевавших на стороне вермахта. Красные латышские стрелки и коричневые латышские легионеры СС парадоксальным образом оказываются объединены в героическом пантеоне современной Латвии. Концентрационный лагерь, созданный немецкими оккупационными властями на территории Литвы, характеризуется авторами учебника как «исправительно-трудовое учреждение». Между тем, за толерантной формулировкой скрывается факт истребления в нем 100 тысяч человек, включая 12 тысяч детей. Не обнаруживается даже стремления ретушировать антисемитскую направленность политики апологизируемого национального режима. Так, список групп лиц, содержащихся в указанном «исправительно-трудовом» лагере, преподносится в следующей версии — «преступники, дезертиры, бродяги, евреи и прочие». Еврейская принадлежность оценивается, таким образом, как однопорядковый в общем девиантном перечне групповой маркер. Остается только удивляться пометке об издании рассматриваемого учебника — «при поддержке посольства Соединенных Штатов Америки»²³.

На фоне «незамеченных преступлений» нацистов особо показательно выглядит использование по отношению к повторному вхождению советских войск в Прибалтику ярлыка оккупационных зверств. В целом за периодом с 1945 по 1991 гг. было закреплено понятие «вторая советская оккупация Латвии». Составляющими политики,

---

²² Latvijas vēstures kolas vecum abērnjiem. Rīga, 1993. 454 p.; *Ābelnieks R.* Latvija divdesmitajā gadsimtā. Rīga, 1997; *Taurēns J.* Latvijas vēstures pamatjautājumi. Valsts konstitucionālie principi. Rīga, 2001.

²³ *Волошин В., Савичева А.* Вождь гуннов Атилла был украинцем, а эстонцы побили Суворова // Комсомольская правда. [Электронный ресурс]: режим доступа: www.kp.ru/daily/24041.3/98469/ (дата последнего обращения: 23.10.2018).

реализуемой Кремлем в отношении Латвийской ССР, определяются: курс политических репрессий, русификация, гипертрофированное развитие индустриального сектора в ущерб иным отраслям, присутствие постоянного военного контингента как оплота антидемократизма, шовинизма и опустошителя окружающей среды²⁴.

Внешняя политика РФ рассматривается в латвийских учебниках в ракурсе традиционных имперских рецидивов России. Ей приписывается сохраняющийся безосновательный стереотип рассмотрения Прибалтики в качестве сферы своего влияния. Россия обвиняется в отказе от признания кажущегося очевидным латышам факта оккупации 1940 г., подрыве международного престижа Латвии, искусственном раздувании темы несоблюдения в ней прав русскоязычного населения.

Узбекистан

В то время как о русофобии постсоветских государств, определяющих свое неприятие России через идентификацию себя с западным миром, известно довольно хорошо, то ее тюркоцентристская версия представляет малоизученный феномен. Как характерный пример в данном случае может быть рассмотрена книга, изданная в 2001 г. на русском языке тиражом в 30 000 экземпляров: «История Узбекистана (вторая половина XIX века — начало XX века)», утвержденная Министерством народного образования Республики Узбекистан в качестве учебника для учеников 9 класса общеобразовательной школы. Автор учебника к. и. н. Жумабой Рахимов участвовал в разработке государственных стандартов по изучению истории Узбекистана. Комиссия по рецензированию учебника включала представителей всех рангов узбекской интеллигенции, от члена Академии наук Узбекистана до учителей средних школ²⁵.

²⁴ *Симиндей В. В.* Огнем, штыком и лестью. Мировые войны и их националистическая интерпретация в Прибалтике. М., 2015.

²⁵ *Рахимов Ж.* История Узбекистана (вторая половина XIX века — начало XX века). Учебник для 9 класса общеобразовательной школы. Ташкент, 2001. 338 с.

Об имманентном стремлении России к завоеванию узбекских земель заявляется на первой же странице первой главы. Составление программы колонизации Средней Азии приписывается еще Петру I. Получается, что на протяжении полуторастолетнего периода русские цари осуществляли внешнеполитический курс на Востоке в фарватере петровского замысла. Авторам учебника нет дела до того факта, что к концу правления Петра I российские владения не распространялись в юго-восточном направлении далее реки Урал, а потому о присоединении узбекских территорий не могло быть и речи. Присоединение части Казахстана (точнее, Младшего и Среднего жуза) было осуществлено лишь при Анне Иоанновне.

Значительно преувеличены масштабы упоминаемого в учебнике похода войск Петра I против Хивинского ханства. Автор пишет о крупном поражении петровской армии, в результате которого она «исчезла на территории Хивы, подобно бесследно затонувшему в океане кораблю». Ж. Рахимов высказывает даже предположение, что именно хивинские события привели к уходу Петра I из этого мира «полным отчаяния и сожалений»²⁶. В действительности хивинская экспедиция гвардии капитана А. Бековича-Черкасского имела место в 1716–1717 гг., т. е. за восемь лет до кончины императора, а потому сообщение о ее результатах не стало для него предсмертным известием. Русский отряд, насчитывавший 3500 человек, вряд ли правомерно определять в качестве осенившей себя славы петровской армии. Да и обстоятельства хивинской экспедиции, описанные Н.И. Павленко, не позволяют говорить о блестящей победе хивинцев: «Не добившись желаемых результатов в открытом бою, хан составил коварный план уничтожения русского отряда. В ставку князя для переговоров он прислал представителей, которые в подтверждение мирных намерений целовали Коран. Черкасский поверил заверениям, отправился к хану с подарками и дал себя уговорить разделить свой отряд на пять частей под тем предлогом, что хивинцам затруднительно прокормить войско, расквартированное в одном месте. Доверчивость Александра Бековича дорого обошлась и ему самому, и предводительствуемому им отряду.

---

²⁶ Рахимов Ж. Указ. соч. С. 108.

Как только войско оказалось разделенным, хивинцы напали на малочисленные отряды и перебили их или пленили, чтобы продать в рабство. Сам Черкасский был убит на глазах вероломного хана»²⁷.

Говоря о Хивинском ханстве, Ж. Рахимов называет его «неподчинившимся Алжиром Средней Азии», связывая происхождение термина с неудачными походами против Хивы войск Петра I в XVIII в. и генерала Перовского в 1839 г. Однако, Алжир приобрел нарицательное значение в качестве символа антиколониальной борьбы несколько позже, а потому вряд ли мог послужить в качестве соответствующего образа применительно к среднеазиатскому контексту в это время²⁸.

В дальнейшем Ж. Рахимов пишет, что, стремясь завоевать Хиву, Александр II действовал в соответствии с завещанием своего предка Петра I²⁹. Следовательно, предполагается наличие некоего тайного петровского завещания, в формате которого и «осуществлялась русская завоевательная политика в Средней Азии на протяжении двух столетий».

Даже российские научные экспедиции в Узбекистан трактуются в учебнике в качестве разведывательных операций. Изучение земельных недр, культуры земледелия и животноводства в среднеазиатском регионе русскими учеными преподносится как сбор информации, претворяющей его последующую колониальную эксплуатацию. Автор попрекает руководство Бухарского эмирата, Кокандского и Хивинского ханств, в том, что оно вовремя не воспрепятствовало разведывательной деятельности российских дипломатов, ученых, туристов³⁰. Русские ученые были мобилизованы генералами в колонизационных целях³¹. Именно обвинением в адрес российской науки завершается весь курс школьного учебника по истории Узбекистана.

Русские войска изображаются как враг, добивающийся победы над узбеками не столько посредством воинской отваги, сколько

²⁷ Павленко Н. И. Петр Великий. М., 1994. С. 428–429.

²⁸ Рахимов Ж. Указ. соч. С. 109.

²⁹ Там же. С. 117.

³⁰ Там же. С. 9, 26, 27.

³¹ Там же. С. 316.

коварства. Так, «талантливый и самоотверженный военачальник» Коканда Алимшнул был вынужден сдать неприятелю город Туркестан только потому, что российский полковник Веревкин пригрозил разрушить мусульманскую святыню — усыпальницу Ахмеда Яссави. Но, не сдержав своего обещания, полковник все же разграбил мавзолей, отправив уникальные исторические реликвии в Россию³².

Каждый локальный успех узбекских войск преподносится Ж. Рахимовым как блестящая победа. Крупным поражением генерала М. Г. Черняева он определяет первую отбитую атаку на Ташкент. Но указанное здесь же число погибших русских солдат — 72 человека — заставляет скептически отнестись к критериям масштабности описанного сражения. Для сравнения, потери среди защитников Самарканда оцениваются в несколько десятков тысяч³³.

Хорошо известно, что Александр II категорически предостерегал М. Г. Черняева от попыток захвата Ташкента. Генерал предпринял штурм города на собственный страх и риск. Однако, вопреки существующим фактам, Ж. Рахимов утверждает, что взятие Ташкента являлось основной целью России в среднеазиатском регионе. План захвата города представлен им как решение правительства, утвержденное самим императором. Автор датирует принятие российским правительством плана ташкентской операции 9 марта 1863 г., т. е. временем, когда еще не были подчинены ни Чимкент, ни Аулие-Ата³⁴. Но скрыть истинные обстоятельства ташкентского дела Ж. Рахимову так и не удалось. «Для того чтобы оправдать свои действия перед властями, — пишет он буквально через абзац после констатации падения Ташкента, — Черняев потребовал организовать петицию, из которой бы явствовало, что Ташкент якобы добровольно подчинился русской армии». Почему, спрашивается, М. Г. Черняев должен был оправдываться перед царем, если действовал в соответствии с правительственным планом? А в заключение соответствующего параграфа — еще одно авторское признание:

---

³² Рахимов Ж. Указ. соч. С. 81.

³³ Там же. С. 86, 100.

³⁴ Там же. С. 83–84.

«За то, что генерал Черняев прибегал к рискованным приемам, его сняли с должности и вызвали в Петербург». Понятное дело, что обращение ташкентцев с просьбой о российском подданстве Ж. Рахимов классифицирует как «липовый документ»³⁵.

Отличительной особенностью стилистики учебника «История Узбекистана» является злоупотребление превосходными степенями. Так «жесточайшим в истории боем» классифицирует автор взятие русскими войсками Ташкента³⁶. При этом изобилие художественных пассажей Ж. Рахимова заставляет подумать, что учебник писался им не для 9 класса, а для начальной школы. Вот характерный фрагмент описания ташкентского сражения: «Бой развернулся жестокий, все гремело и грохотало, земля покрылась густой пылью и было трудно разобрать, где люди, где оружие. Все глохли от неимоверного грохота пальбы. Обессилевшие ташкентцы не выдержали мощного натиска превосходящих сил враг и стали отступать»³⁷. И все же от однозначного признания поражения ташкентцев автор воздерживается. «Наконец, — сообщает Ж. Рахимов в эпилоге описания взятия города, — ташкентцы, осознав, что эта война несет страшные жертвы и разрушения, а также то, что многое уже не поддается восстановлению, вынуждены были начать переговоры. Переговоры начались 17 июня 1865 года. Было решено прекратить стрельбу»³⁸. Получается, что ташкентцы вовсе не потерпели поражение, а пошли на переговоры и прекратили стрельбу в результате неожиданного осознания разрушительных последствий продолжения военных действий.

В сугубо негативных тонах преподносится не только деятельность, но и нравственный облик командующих русскими войсками. Генерал М. Г. Черняев награждается следующими эпитетами: «карьерист и любитель наград и званий, ярый шовинист», «мстительный генерал», плетущий «подлые интриги»³⁹.

---

³⁵ Там же. С. 91.

³⁶ Там же. С. 88.

³⁷ Там же. С. 88.

³⁸ Там же. С. 89.

³⁹ Там же. С. 8, 91.

Описания зверств, чинимых русскими войсками, составляют едва ли не основной антураж всего содержания учебника Ж. Рахимова. При восстановлении картины взятия русскими войсками Чимкента автор привлекает как наиболее репрезентативный источник не документальные материалы, а творчество узбекского поэта Камины. Гиперболизация, являющаяся одним из ведущих поэтических приемов, позволяет Ж. Рахимову добиться эффекта демонизации русской армии. «Каждый чимкентец, — приводит он свидетельство Камины, — до конца света будет помнить ужасы войны, жестокость захватчиков. Камина сравнивает с концом света все то, что происходило на войне: гибель невинных людей, плач младенцев, детей, оставшихся под ногами врага: 22 сентября ценой зверского уничтожения людей враги вошли в Чимкент. После взятия города начались невиданные грабежи. Город полностью был превращен в руины, была растоптана гордость народа. Жестокость была беспримерной. Солдаты и офицеры, больше всех уничтожавшие население, были удостоены высших орденов и наград России»⁴⁰.

При описании подчинения русскими войсками Хивинского ханства Ж. Рахимов акцентирует внимание на жестокости завоевателей по отношению к туркменскому населению. Россия, таким образом, преподносится общим врагом для всех тюркских народов Средней Азии. В ответ на просьбу об отсрочке в уплате налогов К. П. фон Кауфман якобы создает карательный отряд, в задачу которому вменяется истребление туркменских аулов. «Конные казаки, — цитирует Ж. Рахимов одного из местных историков, — расстреливали на своем пути детей, женщин, стариков, закалывали их штыками, младенцев штыками сбрасывали в костер. Враги стали догонять беженцев — йомудов (одно из туркменских племен). Это были в основном женщины и дети, гнавшие вперед свою скотину. Конные казаки с криками врзались в группки людей и стали рубить их направо и налево без разбору. Много было порублено людей, были раздавлены конскими копытами младенцы, со всех сторон раздавались стоны раненых, крики умирающих. В отчаянии, уже забывшие о страхе смерти, йомуды стали защищаться, они бросались на русских

---

⁴⁰ Рахимов Ж. Указ. соч. С. 83.

солдат, зная, что им все равно не спастись. Наравне с мужчинами отбивались и женщины. Некоторые, держа в одной руке ребенка, другой старались вонзить кинжал во врага. После небольшого сражения русские солдаты одержали верх и уничтожили всех живых. Некоторые раненые спрятались под убитыми, прикинувшись мертвецами. Русские добивали и их штыками. Неподалеку было небольшое озеро, и более двадцати женщин с детьми на руках спрятались в воде между водорослями. Солдаты обнаружили их и расстреляли»⁴¹.

Если Россия, как, кстати говоря, и Китай, провозглашается исконным врагом Туркестана, то Турция — его историческим союзником. Цитируются слова Кемаля Ататюрка. Проявлением истинного патриотизма оценивается массовая помощь туркестанских мусульман братской Турции в борьбе ее с Грецией в 1913 г. и с Россией в Первую мировую войну⁴². Наконец-то на 244 странице учебника открывается завеса над целевыми установками политического курса современного Узбекистана — реализация проекта создания пантюркистской государственности, который неизбежно потребует существенной перекройки политической карты, в том числе и отторжение значительных территорий Российской Федерации. «Корни тюркских народов, — декларируется автором учебника, — были одни, но время разбросало их от Восточного Туркестана до Сибири и Волги, от Туркестана до Балкан, от Балкан до Малой Азии. Китай и Россия издавна, не желая их политического, экономического и военного единения, вносили раздор между этими народами, превратили Восточный и Западный Туркестан в свою добычу. Наши братья в Турции сумели сохранить свою независимость. После завоевания Туркестана царской Россией были приняты все меры, чтобы создать трещину в вековом родстве народов. Уничтожение всех связей Туркестана и Турции стало одним из главных направлений государственной политики. Но как царская Россия ни старалась, она не смогла добиться полного уничтожения этой кровной связи»⁴³. В заключение параграфа, посвященного Первой мировой войне, Ж. Рахимов пишет: «Как ни старались русские

---

⁴¹ Там же. С. 114–115.

⁴² Там же. С. 246.

⁴³ Там же. С. 244.

колонизаторы, они не смогли подавить любовь туркестанского народа к туркам. Значит, родственные чувства, дружеское отношение, единство религии — это железный поток, способный смести империю и ее силу, опирающуюся на насилие»⁴⁴.

В заключение хотелось бы отметить, что российские учебники выпадают из общего тренда своей акцентированной установкой на толерантность. Образ исторического врага в них не представлен, а сами войны оказываются недоразумением сторон. Казалось бы, в качестве такого врага мог позиционироваться Запад. Две священные для российского исторического сознания войны 1812 и 1941–1945 годов были войнами с объединенной континентальной Европой.

Между тем, историко-культурный стандарт тему российско-западного исторического противостояния игнорирует совершенно⁴⁵. В пояснительных записках к разделам военные конфликты, за исключением Великой Отечественной, и угроза войн вообще не упоминаются. Купирование этого фактора приводит к деформированию восприятия российской государственной модели. Специфика этой модели состояла в повышенном значении мобилизационных механизмов. Купирование же фактора военной угрозы приводит к формированию взгляда, что российская мобилизационная модель являлась следствием каких-то внутренних патологий и авторитарных комплексов.

---

⁴⁴ Рахимов Ж. Указ. соч. С. 246.

⁴⁵ Историко-культурный стандарт // Российское историческое общество. [Электронный ресурс]: режим доступа: <https://historyrussia.org/proekty/kontseptsiya-novogo-uchebno-metodicheskogo-kompleksa-po-otechestvennoj-istorii/istoriko-kulturnyj-standart.html> (дата последнего обращения: 10.10.2018).